

Э. А. Паин

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ РОССИИ В КОНЦЕ XX в.: ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ, АЛЬТЕРНАТИВЫ

В современном политическом лексиконе понятие - “переходный период” - едва ли не самое модное, что это означает применительно к процессу становления российской государственности после распада СССР? Укрепится ли Россия как независимое государство или энергия россиян будет направлена на восстановление Союза? Какая из тенденций одержит верх в столкновении унитаризма и федерализма? Преодолеет ли Российская Федерация дезинтеграционные тенденции или в ней возобладает этнический сепаратизм, национальный шовинизм и другие явления, препятствующие консолидации общероссийской нации? Эти вопросы рассматриваются в данном докладе и от ответов на них, во многом, зависит определение вектора развития России на рубеже веков.

1. Уже не Советский Союз - еще не Россия

Выделившись из СССР, Россия с трудом, болезненно привыкает к своему новому пространственному телу. Это может показаться удивительным потому, что уже к концу 1991 г. распад Союза казался необратимым и всеми поддерживался. Наблюдался повсеместный подъем национальных движений. Жители всех союзных республик искренне верили, что с ликвидацией "грабительского" Центра их жизнь улучшится.

Задолго до Беловежского Соглашения, с которого формально начинается процесс роспуска Союза, в большинстве союзных республик были приняты декларации о государственном суверенитете. В июне 1991 г. Верховный Совет РСФСР почти единодушно принял "Декларацию о государственном суверенитете", а затем ратифицировал Беловежское соглашение. Уже к середине 1991 г. практически не существовало сил, которые могли бы сдерживать дезинтеграционные процессы: после автономизации союзных компартий, прежде всего российской, фактически распалась КПСС, жестко контролировавшая управленческие связи, скреплявшие СССР; ослабли силовые структуры, генералитет (и большая часть офицерского корпуса) отказывались использовать армию для противодействия республиканскому сепаратизму; отсутствовала общественная поддержка военных акций, направленных на насильственное сохранение СССР. Отсутствие массовой поддержки августовского (1991 г.) путча, как попытки реставрации унитарного советского государства, спровоцировало резкое усиление центробежных тенденций в ближнем зарубежье а после всеукраинского референдума о независимости (1 декабря 1991 г.), на котором за независимость Украины выступили даже "русскоязычные" регионы (включая Крым) - распад СССР был предопределен.

Эта предопределенность отразилась в массовом сознании россиян. Так, в ноябре 1991 г., (т. е. еще до официального роспуска Союза) 65% опрошенных в России ответили отрицательно на вопрос: "Продолжает ли СССР существовать как единое государство?"¹ Но уже в 1992 г. социологические исследования того же ВЦИОМ зафиксировали

¹ Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, в качестве основного социологического источника приводятся материалы опросов ВЦИОМ, любезно предоставленные автору руководителем опросов Львом Гудковым.

нарастание ностальгических настроений россиян по СССР. Постепенно стали вызревать и различные политические концепции его возрождения (реинтеграции), то ли в прежних границах, то ли без Балтии; в его унитарной форме, либо как конфедерации.

Наиболее одиозные, откровенно имперские подходы к идее восстановления СССР демонстрируют российские коммунисты (КПРФ), фашисты, например, партия «Российское национальное единство» (РНЕ) и маргинальные группировки типа партии Владимира Жириновского (ЛДПР). Все эти партии кладут в основу своих концепций восстановления Союза следующие постулаты:

1. Распад СССР и становление независимых государств в рамках пост-советского пространства объявляются искусственным процессом; статус новых независимых государств ("новообразованных квазиреспублик"²) признается незаконным;

2. Россия не идентифицируется с Российской Федерацией: "...нынешняя Российская Федерация - это еще не вполне Россия, а обрубок с кровоточащими разорванными связями" - по выражению лидера российских коммунистов Геннадия Зюганова³. Россия - это страна в границах как минимум СССР, либо Российской Империи⁴.

3. Русские объявляются насильственно разделенным, народом, лишенным своего государства. "Без ...воссоединения ныне разделенного русского народа наше государство не поднимется с колен"⁵. В рамках этой доктрины русские в СНГ рассматриваются как основа ирредентистских движений, как инструмент восстановления СССР.

4. Восстановление государственности и воссоединение разделенного русского народа должно базироваться на "...русской идее". По мысли Зюганова, "...Восстановив русскую идею..., мы сможем наконец гармонично соединить искусственно расчлененное историческое Отечество"⁶.

5. "Русская идея" обозначена в новой Программе КПРФ по сути также как в государственной доктрине Российской империи, с небольшой редакцией. Если до 1917г она формулировалась в лозунге: "православие, самодержавие, народность", то у коммунистов как "соборность, державность, духовность, народность"⁷.

Имперский подход не исключает возможности восстановления Союза военным путем ("...Третья мировая война для нас, русских, уже давно началась").⁸ Русские фашисты считают даже необходимым использование силы в некоторых случаях, по крайней мере, для защиты 25 миллионов русских в ближнем зарубежье членам РНЕ («соратникам») предписывается следующее: "Соратник, являясь полномочным представителем Русской Нации, обязан восстанавливать справедливость в отношении

² Дмитрий Рогозин. Иностранцы на родной земле. - "Наш современник", 1994, N 7, с.117

³ Г.Зюганов. Драма власти. М., "Палей", 1994, с. 202

⁴ В.Жириновский. Что мы предлагаем. Предвыборная программа ЛДПР. - "Юридическая газета", N 40-41,1993, с.4

⁵ Г.Зюганов. Ук.соч.,с.22

⁶ Г.Зюганов. Ук.соч.,с.184.

⁷ "Программа Коммунистической партии Российской Федерации" // "Советская Россия", 1995, 2 февраля

⁸ Наше время. 1993. 12 апреля.

Русских людей своей властью и своим оружием, не обращаясь в судебные и иные инстанции").⁹

По сравнению с откровенно имперским подходом более респектабельно выглядит российский вариант "доктрины Монро", предусматривающий закрепление политического доминирования России в постсоветском пространстве, без применения военной силы, методами экономического и политического давления.¹⁰ Однако при всем различии предполагаемых форм и методов объединения государств постсоветского пространства, общими для различных концепций воссоздания Союза является взгляд на страны СНГ как на российскую периферию, нуждающуюся в ее патронаже. Разумеется, эта лишенная каких-либо оснований надменность и самонадеянность вызывают недовольство у политических элит государств СНГ и упреки России со стороны Запада в возрождении имперских амбиций. Не отвечает упомянутые концепции и интересам самого российского государства.

Так, по оценке Международного валютного фонда, потери России от ценовой дотации странам СНГ только от продажи энергоносителей ниже мировых цен составили в 1992 г. 12 млрд. долларов, и несмотря на то, что эти цены постепенно приближаются к мировым, суммарные потери России нарастают.¹¹ В целом же расходы России, обусловленные внеэкономическими целями поддержания политики реинтеграции, поглотили, по данным А. Загорского, составили в последние годы до 20% ее ВВП.¹²

Стремление любыми средствами самоутвердиться в так называемом "ближнем зарубежье" является своеобразным выражением комплекса неполноценности, развившемся у части российского общества под влиянием осознания реальной слабости современной России, утратившей решающее влияние на глобальные процессы. При этом в наибольшей мере такой психологический стереотип характерен для политической элиты и значительно меньше, судя по материалам ВЦИОМ, проявляется в массовом сознании россиян.

Так, на вопрос: "Как Вы считаете, каким путем должна идти Россия, чтобы вернуть себе статус великой державы?" подавляющее большинство (65,2%) ответили в конце 1993 г.: "Развивая собственную экономику, ускоренными темпами проводя экономическую реформу".¹³ За объединение бывших союзных республик вокруг России как условие возрождения ее величия высказывается чуть более четверти опрошенных; и совсем мало тех, кто связывает подобные надежды с укреплением вооруженных сил "как фактора стабильности на территории бывшего Союза" (5,3%).

⁹ Из "Кодекса чести" партии "Русское национальное единство" // Русский порядок. 1993. 19 декабря. С.28.

¹⁰ Наиболее определенно сформулированный российский вариант "доктрины Монро" см.: Мигранян А. Россия и ближнее зарубежье. Все пространство бывшего СССР является сферой жизненных интересов России // Независимая газета. 1994. 18 января.

¹¹ Кириченко В.Н. О тенденциях к экономической реинтеграции в СНГ. Выступление на заседании Немецко-российского форума. Бонн, 23 июня 1994.

¹² Загорский А. Концепция "ближнего зарубежья" в российской внешней политике: источники, цели, инструменты, проблемы, Выступление на заседании Немецко-российского форума, Бонн, 23 июня 1994.

¹³ Л. Гудков. Указ. материалы.

За время, протекшее после распада СССР, произошли изменения и в менталитете русских. Судя по материалам этносоциологических исследований середины 1991 г., русские по способу своей национально-государственной идентификации отличались от подавляющего большинства так называемых "титულных народов" (т.е. давших название одной из республик) бывшего СССР. Если узбеки, грузины, эстонцы и другие считали своей родиной одноименную республику, то около 80% русских, проживавших как в России, так и в союзных республиках, называли своей родиной весь Советский Союз.¹⁴ (17). Однако, постепенно традиционный тип государственной самоидентификации русских ослабевал - стала проявляться их некоторая отчужденность от территорий, волею истории превратившихся в "ближнее зарубежье".

Это проявилось прежде всего в ослаблении интереса россиян к событиям, происходящим за пределами республики. Например, лишь 21% русских в конце 1993 г. отмечали, что ощущают значительный интерес к тому, что происходит в родственной Украине. Уровень же информационной отчужденности к другим республикам был еще выше и особенно по отношению к так называемым "горячим точкам", в данном случае срабатывал естественный механизм психологической защиты.

Существенно уменьшилась доля лиц в составе населения России, ощущающих свою практическую связь с другими государствами постсоветского мира (см. табл. 1).

Таблица 1

Связана ли лично Ваша сегодняшняя жизнь с другими республиками бывшего Союза? (% опрошенных)

да, в значительной мере	16,7
да, в незначительной степени	17,8
практически нет	59,2
затрудняюсь ответить	6,3

Помимо того, что более половины россиян не ощущает своих связей с другими странами на территории бывшего СССР, возрастает избирательность их отношения к этим странам. Материалы социологических исследований, на мой взгляд, достаточно выразительно указывают ту геополитическую зону, с которой хотели бы иметь преимущественные связи большинство россиян. Это прежде всего славянские страны: Украина и Беларусь, а также Казахстан. В последнем из названных государств россиян в наибольшей мере привлекают связи с его северными территориями, где преобладает славянское население (см. табл.2).

¹⁴ Русские (этносоциологические очерки) / Под ред. Арутюняна Ю.В. и др. М., 1992. С.415.

Таблица 2

С какими из бывших республик бывшего Советского Союза следовало бы, на Ваш взгляд, в первую очередь развивать отношения России? (% опрошенных)

Украина	70,2
Беларусь	42,8
Казахстан	42,3
Балтия	13,7
Молдова	4,8
Азербайджан	1,9
Армения	2,4
Грузия	3,8
Узбекистан	4,8
Кыргызстан	1,4
Таджикистан	0,7
Туркмения	0,5

Заметно преобладание европоцентристских ориентаций россиян. За пределами основного ядра их интересов наиболее привлекательными для них являются Балтия и Молдова, и это несмотря на то, что государства Балтии чаще других обвиняются прессой в дискриминационном отношении к русским. Крайне слабый интерес проявляют россияне в развитии связей с Закавказьем, при этом христианские Грузия и Армения более привлекательны для них, чем Азербайджан. И наименьший интерес опрошенные проявили к развитию связей со Средней Азией.

Итак, в зону актуального интереса россиян входит менее трети республик, составлявших Советский Союз. Иными словами, пространство актуальных геополитических интересов россиян - это уже не СССР, но еще не Россия. Я говорю "еще" потому, что заметен процесс дальнейшего сужения зоны жизненных интересов россиян.

Их массовое сознание сегодня находится под влиянием двух противоположных и отчасти противоборствующих социально-политических тенденций. С одной стороны, растет неудовлетворенность жизнью, что усиливает ностальгические настроения в обществе - если в 1993 г. сожалели о распаде СССР 66% опрошенных, то в 1994 г. их доля выросла до 73%; с другой стороны, увеличивается прагматичность россиян, растет их погруженность во внутренние, прежде всего экономические проблемы, падает интерес к внешней политике. При этом символические ценности и интересы (ностальгия по СССР) явно не выдерживают конкуренции с прагматическим (опасения высоких затрат на восстановление Союза и, особенно, опасения быть вовлеченными в военные действия в связи с реинтеграцией). Поэтому сожаления о распаде Союза лишь в сравнительно редких случаях побуждают людей стремиться к его восстановлению.

Стоило лишь упомянуть в прессе о высоких затратах России, связанных с объединением денежных систем Российской Федерации и Беларуси, как число поддерживающих идею объединения даже с этой самой братской из всех республик резко сократилось.

Крайне негативно относятся россияне к участию их страны в военных действиях. На вопрос: "Какую принципиальную позицию должна занимать Россия в отношении межнациональных конфликтов в других республиках СНГ?" лишь 6% ответили: "Решительно вмешиваться с привлечением вооруженных сил", подавляющее же большинство (47%) полагает, что лучше совсем не вмешиваться или, по крайней мере, "действовать дипломатично, примиряя противоборствующих". В этих ответах проявилась еще одна особенность современного массового сознания россиян - положительное отношение к политической умеренности и опасения политического радикализма. Косвенным подтверждением справедливости такого вывода могут служить ответы на вопрос: "Если в ближайшее время состоятся выборы в новый парламент России, за какого кандидата Вы бы предпочли голосовать?" 25,5% ответили: "За сторонника воссоздания Союза", а большинство (51,5%) предпочли бы "Сторонника независимого развития России".

Таким образом, концепция реинтеграции, как и всякая другая идея реставрации истории, не жизнеспособна. Для ее реализации в России нет необходимых ресурсов, политической воли руководителей, психологической готовности населения. В то же время идеологические споры вокруг этой концепции увеличивают муки и без того трудного, болезненного процесса адаптации россиян к новому пространственному телу нации в границах нынешней Российской Федерации.

Может возникнуть вопрос: "А зачем вообще нужна такая адаптация к новым геополитическим условиям?" Да хотя бы потому, что только в России русские обретают для себя наиболее оптимальную этнокультурную среду, только здесь они составляют абсолютное большинство населения (83 %) и к тому же живут в государстве, более 90% граждан которого считают русский своим родным языком. Если бы они остались в составе СССР, то уже в начале XXI в. превратились бы в этническое меньшинство в силу отставания их демографического воспроизводства от аналогичных процессов у народов Средней Азии и Закавказья.

Еще советские - уже не "интернационалисты"

Социологические исследования, проведенные в 1970-1980-х гг., указывают на поразительную особенность русских, отличавших их от большинства других этнических общностей - на редкость терпимое отношение к различным формам и сферам общения с другими народами.

В 1970-х гг. практически все опрошенные (90% и более) не придавали значения тому, с представителями каких национальностей они вместе работают, при этом такие межэтнические установки почти в равной мере проявлялись в городах России и других республиках. И даже в особо чувствительной к этническим различиям сфере брачных отношений (известно, например, что представители народов Средней Азии и Кавказа, особенно женщины, крайне редко вступают в межнациональные браки) русские были наиболее терпимы: если в Тбилиси и в Ташкенте не более 10-15% представителей титульных национальностей заявляли о своей терпимости к межнациональным бракам, то среди русских таких было свыше половины.¹⁵

¹⁵ Русские (этносоциологические очерки). С. 419-421.

Известно, что существует национализм этнических меньшинств и большинства. Точно так же и противоположная национализму идеология - интернационализм может проявляться в тех же двух формах. Для меньшинств интернационализм является способом устранения этнических барьеров на пути к равноправию; для большинства - формой проявления или способом закрепления своего доминирующего положения.

Интернационализм меньшинств обычно проявляется в подчеркнуто демонстративной форме, вспомним воинствующий интернационализм большевиков, представителей этнических меньшинств (Дзержинского, Троцкого, Петерса, Орджоникидзе, Сталина - на ранних этапах революционной деятельности последнего). Интернационализм этнического большинства, напротив, незаметен и проявляется в форме безразличия к этническим особенностям народов. Вот и межнациональные установки русских можно охарактеризовать как этнический нигилизм, безразличие ("Мне все равно, я никогда не задумывался какой они национальности"). Сразу же отмечу, что не вкладываю негативный смысл в понятие этнический нигилизм, напротив, чем бы ни была обусловлена этническая терпимость русских - это то качество, постепенное ослабление которого вызывает у меня большие сожаления. Возможно, это одно из немногих позитивных, с моей точки зрения, проявлений "советского образа жизни".

Этническая терпимость практически всегда является следствием высокого самоуважения народа, отсутствия или слабой выраженности комплексов "неполноценности". У русских такое самоощущение вытекает из самой их истории (многовекового существования независимого государства), их численности (многочисленные народы, обычно меньше подвержены ощущениям дискриминированности, чем малочисленные) ряда других причин и, прежде всего, особого положения в Советском Союзе - "первого среди равных", "старшего брата" и т. д.

Уже к началу 1980-х гг. положение русских стало изменяться: в ряде республик, где еще недавно в составе коренных народов почти не было своей инженерно-технической интеллигенции и квалифицированных работников физического труда - республики Средней Азии, Азербайджан, Грузия, Молдавия - к этому времени доля интеллигенции и квалифицированных рабочих в составе титульных национальностей значительно возросла и стала сопоставимой с удельным весом этих социальных групп в составе русского народа. Во многих союзных республиках усилилась этническая конкуренция наиболее престижных сферах деятельности и на "верхних этажах" социальной иерархии, в целом межнациональные отношения стали ухудшаться.¹⁶

По формальным признакам, этническая терпимость в начале 1980-х гг. все еще преобладала у русского населения, при этом в национальных республиках ее показатели ненамного отличались от аналогичных в России. Лишь в наиболее чувствительной сфере брачных отношений, доля межнациональных браков за десятилетие заметно снизилась, особенно в тех республиках, в которых отношение к ним со стороны представителей коренных национальностей всегда было негативным¹⁷. Однако уже в это время наметилось противоречие между растущим национальным самоуважением у представителей нерусских титульных национальностей, в прошлом отстававших в

¹⁶ Русские (этносоциологические очерки) / Под ред. Арутюняна Ю.В. и др. М., 1992. С.418.

¹⁷ Там же

развитии, и ослабевающим у русских. Новая национальная элита в союзных республиках, добившись равенства стала требовать привилегированного статуса для "коренных" народов в "своих" республиках, русские же, "опустившиеся" до равенства с другими народами, ощутили себя социально отстающими. Такая психологическая перестройка обычно вызывает межэтнические напряжения даже в странах с развитыми демократическими традициями (в Канаде, в Бельгии и т.д.), а в Советском Союзе крутая ломка этносоциального статуса грозила вылиться в острейшие этнические конфликты.

В 1980-х гг. русские ощущали возрастающее межнациональное напряжение прежде всего в союзных республиках. Однако и в самой Российской Федерации русские болезненно реагировали на новую ситуацию, их самолюбие было задето падением социальной роли представителей своей национальности в республиках, а затем и такими определениями их роли в республиках, как "оккупанты", "империалисты", "перекати-поле" и т. п., которые с конца 1980-х гг. все чаще стали употреблять лидеры национальных движений.

Далее "включились в работу" обычные механизмы перестройки психологических норм. Этот процесс, как правило, начинается в крупнейших городах, распространяясь затем вглубь, вплоть до глухой деревушки. Неслучайно в Москве доля людей с благоприятными межнациональными установками среди русских была в 1,5 раза ниже, чем в других городах РСФСР; молодежь перестраивается быстрее пожилых людей - негативные установки у людей до 25 лет встречались почти вдвое чаще, чем среди лиц старше 50 лет (25% против 13%)¹⁸

Значительный вклад в "разогрев" негативных национальных чувств русских, в развитие комплекса ущербности внесли идеологи русского национализма, хоть и называвшего себя патриотизмом, но по сути далекого от патриотических идеалов - любви к России как Родине всех проживающих здесь народов. К концу 1980-х гг. идеология русского национал-шовинизма стала получать все большее распространение, вначале со страниц сравнительно респектабельных журналов ("Наш современник", "Молодая гвардия"), а затем - множества бульварных откровенно ксенофобных изданий.

Демократическая общественность России, в конце 1980-х гг. видела в качестве своего основного политического союзника так называемые "национал-демократические движения", боролась против коммунистической империи за право угнетенных наций на самоопределение, а проблему ухудшения национального самочувствия русских сводила исключительно к "проискам" национал-шовинистических сил и их пропаганды.

Обострение экономического кризиса в СССР, а затем его распад обусловили целый ряд дополнительных факторов, ухудшающих этнические настроения русских. Опросы ВЦИОМ зафиксировали значительное ухудшение межнациональных установок практически всех этнических сообществ в СССР, начиная со второй половины 1980-х гг. Так, в 1989 г. признаки ксенофобии, еще слабо ощущавшиеся в 1970-х гг., обнаруживали примерно 20% населения СССР (причем в самой России эти показатели были намного ниже, нежели в республиках, население которых акцентировало свою особость и границы между разными этническими группами). В 1990 г. в России показатели национальных антипатий выросли до 35-40%, а в 1993 г., накануне октябрьского мятежа в Москве,

¹⁸ Русские (этносоциологические очерки). С. 419-421.

распространенность ксенофобных настроений (особенно в отношении приезжих с Кавказа или цыган) проявлялись у 48-54% опрошенных, варьируя в зависимости от возраста и региона России.

Недовольство и разочарование властью (как символической основы советского самосознания); исчезновение старых границ, и соответственно, "переопределение" прежней территориальной общности - СССР; вооруженные межнациональные конфликты вблизи границ Российской Федерации и массовые миграции населения в Россию (идущие, впрочем, уже в течении последних десяти лет, особенно из Закавказья и Средней Азии); проигранная Россией чеченская война, а, главное, напряжение, связанное с сознанием собственной неспособности жить по правилам наступающей рыночной экономики, зависть и неприязнь в отношении предприимчивости и активности - все это вызвало развитие массовых комплексов и фобий, различные элементы которых в конце 1990-х. обнаруживали почти 75% опрошенных в России. Об усилении влияния идеологии русского национализма на политику свидетельствуют итоги выборов в федеральный парламент и в региональные органы власти, начиная с 1993 г. Если еще в сентябре 1993 г. можно было говорить, что избиратели "демократов" и избиратели "коммунистов" или "жириновцев" - диаметрально различаются по проявлениям этнических предрассудков, то уже в 1994 г. мониторинг ВЦИОМ стал фиксировать уменьшение расхождений между партиями по этому признаку. Сегодня же у сторонников самых разных по политическим программам партий наблюдается практически один и тот же уровень ксенофобии. Она стала почти нормой политической жизни.

Можно выделить три типа основных проявления ксенофобии среди русского населения¹⁹:

1. Абстрактный комплекс обиды - представление о русских как о народе обижаемом, обманываемом, эксплуатируемом (без точного представления о том, кто обидчик: коммунисты, начальство, инородцы, Запад и т.д.), короче, "все едут на бедном Иване", "тянули с нас все что можно, а теперь - русские, славяне во всем виноваты", но "русский мужик терпелив, всегда все сносил" и т.д.

2. "Антизападничество"- мнение о распродаже национальных богатств России, растаскивании их иностранцами, неприятие всего иностранного (товаров, культуры, нравов и пр.), представление о том, что реформы инспирированы "агентами влияния" (ЦРУ, США, Израиля и т.д.) или выгодны лишь Западу; в наиболее радикальном варианте - это идеи о направленном уничтожении - "геноциде" - или тайном плане, долженствующем вызвать деградацию русских.

3. Этнфобии - представление о том, что в бедах, постигших Россию, повинны в той или иной степени инородцы (нерусские или неправославные люди), что нерусские в России пользуются слишком большими правами, злоупотребляют представленными им возможностями; эта ксенофобия особенно остро проявляется в отношении чеченцев, азербайджанцев, армян, грузин и других этнических групп, образовавших достаточно эффективные структуры этнического предпринимательства в городах России, а потому часто вызывающих чувства зависти и недоброжелательства; в крайнем варианте - утверждения, что русские в России должны обладать большими правами, чем другие этнические группы.

¹⁹ Используется типология Л.Гудкова, с незначительной корректировкой.

Опросы ВЦИОМ позволяют количественно определить соотношения групп населения, охваченных теми или иными фобиями (страхами). Список "врагов" России, по мнению опрошенных, выглядит следующим образом:

1. Мафия, уголовные преступники, коррумпированное чиновничество - 21;
2. Запад (США, НАТО, ЦРУ, иностранный бизнес, влияние западной культуры, западный образ жизни и пр.) - 15%;
3. Правительство, власти разного уровня - 11%;
4. Представители различных партий - 6%;
5. Представители других национальностей (чеченцы и другие кавказцы, эстонцы, цыгане, евреи и др.) всех в целом назвали лишь 4% опрошенных.

Анализ фобий, присущих сегодня довольно широкому слою российского населения и именуемых зачастую "русским национализмом", показывает, что явление это мало соответствует общепринятому содержанию понятия "национализм". В нем слабо представлено основное политическое содержание национализма - идея создания национального (этнократического) государства; слабо выражена этническая нетерпимость, этнические фобии.

В то же время, в массовых формах проявления "русского национализма" заметны основные признаки разлагающегося советского менталитета. Та же бедность идеологического фонда, традиционный образ внешнего врага ("Запад", «мировой сионизм», «НАТО» и др.). Он наделяет его носителей чувством превосходства по отношению к представителям других социальных и этнических групп, являющегося своего рода коллективистской компенсацией за убожество существования каждого в отдельности. "Русский национализм", как и традиционно советский менталитет, проникнут духом патернализма - государственного покровительства по отношению к избранным группам (то ли к пролетариату, то ли к русским). Этот "национализм" государственен: так же, как и советское самосознание, он базируется на представлении о великой державе как громадной по территории и численности населения, с устрашающей армией, как символу государственного могущества.

На наш взгляд, то, что обычно называют "русским национализмом", на самом деле представляет собой; болезненную реакцию на разложение основ советского общества и столь же болезненную адаптации к новым экономическим и геополитическим реалиям. Лев Гудков назвал эту своеобразную фобию - "фобия нового".

К сожалению, существует целый ряд условий и факторов, которые усиливают опасность развития этой фобии и определяют возможность ее перерождения в ярко выраженный национал-шовинизм.

Так, детонатором вспышки русского национализма могут выступать маргинальные группы русского населения. К их числу, прежде всего относятся представители русской диаспоры в "ближнем зарубежье". Уровень недовольства реальными и мнимыми проявлениями национальной дискриминации здесь намного выше, чем в России, на этой основе в ряде регионов бывшего Союза, прежде всего в Крыму, в Северном Казахстане, в Приднестровье, развивается особая разновидность национализма - русский ирредентизм - движение за присоединение этих территорий к России. Именно на ирредентистские движения делают основную ставку национал-шовинистические движения. В случае возникновения в названных регионах открытого конфликта между ирредентистским и националистическими движениями титульных национальностей в России может сработать естественный механизм этнической солидарности ("наших бьют"), который, как

показывает опыт многих новых независимых государств, быстро распространяется в этнических сообществах, особенно в условиях обострения социально-экономических кризисов.

Источником обострения межнациональной напряженности и роста русского национализма могут стать и русские беженцы из зон конфликтов - их сегодня около 1,5 млн. чел., и значительная их часть концентрируется в наиболее конфликтогенной для России зоне - на Северном Кавказе. Кроме того, среди беженцев велика доля лиц с радикальными националистическими ориентациями.

Детонатором взрыва националистических чувств может выступить и такая особая группа русского населения, как казачество, особенно его военизированные формирования на Северном Кавказе, где они вступают в непосредственное соприкосновение с другими вооруженными формированиями, например, с Конфедерацией народов Кавказа.

Таким образом, в случае резкого ухудшения этнополитической и экономической ситуации в соседних с Россией государствах СНГ и увеличения вследствие этого массового притока беженцев, усиления русского ирредентизма или же в случае обвального ухудшения экономической ситуации в самой России и спровоцированного этим развития сепаратистских тенденций, можно было бы ожидать вспышки национализма как русского, так и не русского населения.

Особую опасность представляет так называемый «номенклатурный национализм». Под ним мы понимаем идеологию той части прежней советской политической элиты, которая сегодня возвращается в органы управления как в Центре, так и в регионах, или, находясь у власти с 1991 г., перестала прятать свои националистические воззрения, открыто их провозглашая.

Эти группы являются не только носителями советских стереотипов и предрассудков (антизападничества, антисемитизма, антиисламизма и др.), но и прагматически заинтересованы в определенном росте националистических настроений в обществе. Это позволяет им: во-первых, перекладывать вину за собственные промахи в управлении на предшественников, политиков, пришедших во власть во времена демократов (Гайдара, Чубайса и др.), которых они обвиняют в измене национальным интересам России в угоду Западу; во-вторых, лоббировать интересы той группы предпринимателей, которая заинтересована в государственном протекционизме под предлогом защиты от запада "истинно русского" предпринимательства; в-третьих, самим защищаться от возможной конкуренции инородцев, от посягательств на их место в чиновничьем мире, а в некоторых случаях и от критики, под предлогом того, что их критикуют "за верность национальной идее".

Главная же опасность "номенклатурного национализма" состоит в том, что он резко снижает уровень морально и административно запретного в сфере межнациональных отношений и открывает дорогу произволу. Так, если в каком-нибудь центральном учреждении будут замечены случаи отказа от приема на работу по национальному признаку, то это быстро распространится и на периферии; если губернатор публично объявляет войну сионизму и безжалостно изгоняет со службы чиновников если оказывается, что у них есть даже малая примесь еврейской крови, (это взято из практики краснодарского губернатора Кондратенко) то, несомненно, его примеру последуют, в администрациях не только всех городов и сел края, но и в соседних регионах; если с парламентской трибуны можно услышать антисемитские высказывания, то чего же можно ожидать от завсегдатаев пивных.

Номенклатурный национализм неминуемо открыл бы дорогу безудержной эскалации ксенофобии и национал-фашизму, если бы нашел поддержку в Кремле. К счастью, этого не произошло. Можно упрекать Президента России и Правительство в недостаточной последовательности и решительности в отпоре национал-фашизму, но все же их публичные заявления и действия в определенной мере служат заслоном на пути распространения этой заразы. Важную сдерживающую роль в отпоре радикальному национализму, фашизму играет позиция мэра Москвы Ю.Лужкова. Запретив в декабре 1998 г проведение в Москве съезда откровенно антисемитской партии «Российское национальное единства» он перехватил у федеральных властей инициативу в борьбе с национализмом, чем завоевал немалые симпатии демократической части российского общества. Ю.Лужков лучше других ощущает массовые общественные настроения: с одной стороны нарастание державнического сознания у многих россиян, опирающееся на чувство уязвленного самолюбия («за державу обидно»), а с другой - он подметил и отвращение большинства россиян ко всякому радикализму в том числе и этническому.

Учитывая эти настроения нам представляется мало вероятной победа национал-фашистских сил на парламентских выборах, при том что уровень бытовой ксенофобии вряд ли ослабеет. Социологические опросы показывают, что и сегодня русские радикально-шовинистические движения имеют более или менее значительную поддержку лишь в некоторых регионах страны, прежде всего в южных. На общероссийском же уровне их поддерживает не более 3 - 4% опрошенных - это ниже, чем уровень поддержки националистических движений в большинстве государств СНГ. Весьма характерно и отношение россиян к откровенно антисемитским выступлениям видного деятеля коммунистической фракции в Государственной Думе генерала Макашова в октябре 1998 года. Только 4% респондентов полностью разделяют эти высказывания. Однако настораживает другое - почти половина опрошенных, не разделяя взглядов генерала или даже осуждая их в то же время не видят в них никакой опасности для общества. Это значит, что в современной России пока слаб иммунитет против распространения ксенофобии.

Уже не унитарная - еще не федеративная

Российская Федерация, хоть и объявила о децентрализации власти, но по-прежнему тяготеет к унитаризму. Огромная Россия по-прежнему управляется из одного центра.. Средства, заработанные наиболее развитыми областями Центрального региона - Урала и Поволжья, а также сверхдоходы нефтедобывающей промышленности Тюменской области, расположенной в Западной Сибири, уходят в федеральную казну и назад в регионы возвращается только малая часть, величина которой не имеет связи с результатами производственной деятельности региона. Неэффективность такого управления проявилась еще в советские времена, а после распада Союза она превратилась в анахронизм. Старые экономические связи между территориями разрушились, централизованная система управления ослабела, вся сфера хозяйственной деятельности фактически сосредоточилась в руках местных властей, хотя юридически они по-прежнему были лишены властных полномочий. Центральная власть еще способна была собирать налоги с территорий, но все меньше могла помогать им. Нарастало недовольство регионов. Богатые сырьевые регионы (в основном связанные с добычей нефти, газа, цветных металлов) добывались большей

самостоятельности, особенно во внешнеэкономической деятельности, тогда как бедные аграрные - большего протекционизма.

Как бы не обострялись противоречия между "богатыми" и "бедными", аграрными и индустриальными регионами, они не шли ни в какое сравнение с нарастающим противоборством между национально-территориальными образованиями (автономными республиками, автономными областями и округами) и территориально-административными (краями и областями). При этом наибольшую угрозу ее целостности, на мой взгляд, представлял рост политических притязаний национальной политической элиты в республиках.

К концу 1991 г. в некоторых республиках Российской Федерации - радикальная националистическая оппозиция использовала рост национального самосознания и "антиимперские" настроения для того, чтобы прийти к власти. Примерно так было в Чечне после провала августовского путча, когда группа Дудаева свергла председателя ВС Чечено-Ингушской республики, а вскоре заявила о выходе из состава Российской Федерации. Однако чаще всего националистические лозунги использовались бывшей коммунистической «номенклатурой» для сохранения своей власти. При этом, прежние советские лидеры республик опирались одновременно как на недовольство населения "диктатурой" Москвы, так и на его опасения, что к власти могут прийти крайние националисты.

В 1990-1992 гг. все республики приняли декларации о суверенитете. Первыми это сделали еще в горбачевское время "пионеры" борьбы за суверенитет - Татарстан, Якутия и Чечено-Ингушетия. О серьезности их намерений обрести полную независимость могли свидетельствовать в этих республиках законодательные акты. Например, Конституция Татарстана определяет республику как "суверенное государство, субъект международного права.

После того как российские республики продемонстрировали "парад суверенитетов", также у краев и областей возникло непреодолимое желание повысить свой статус. В начале Вологодская и Свердловская области, а затем и ряд других русских регионов объявили о своем намерении провозгласить себя республиками. В октябре 1993 г. Свердловская область осуществила свою угрозу и приняла Конституцию Уральской республики.

На мой взгляд, концепция этой республики реальной опасности для целостности России не представляла. Основы государственного строя закрепляли на ее территории суверенитет России. Уральская республика не имела права выхода из России, не предполагала иметь армию, свою денежную единицу, да и вообще какие-либо признаки суверенного государства. Конституция Уральской "республики" отличается от конституций национальных республик в составе России тем, что безоговорочно признает верховенство российского права и федеральной государственной власти на своей территории²⁰ Самое же главное, что население области ("республики") было абсолютно равнодушно к возне, затеянной местными властями.

Итак, во всех регионах России, как национальных, так и территориальных, накопилось немало объективных причин для недовольства жестко централизованной системой государственного управления и оснований для требований расширения

²⁰ Конституция Уральской республики. Екатеринбург, 1993

административной и экономической самостоятельности. Вместе с тем, в русских краях и областях эти требования, во-первых, не выходили за рамки сугубо экономических, во-вторых, были направлены на превращение унитарного государства в подлинно федеративное. К иным политическим требованиям привело накопление недовольства унитарным государством в национальных автономиях: здесь экономическая и административная самостоятельность рассматривалась местной политической элитой всего лишь как переходная ступень к полной независимости - к выходу из федерации.

Серьезную угрозу целостности государства представляла борьба двух ветвей власти, ставшая непримиримой к весне 1993 г. Каждая из сторон этого конфликта, нуждаясь в союзниках, стремилась привлечь в свой лагерь региональные власти. Последние, понимая свою значимость, стали запрашивать все большую цену за свою благосклонность. Татарстан, Башкирия и Якутия фактически прекратили выплату федеральных налогов (о Чечне и говорить не приходится); появилась опасность, что примеру неплательщиков налогов последуют другие регионы; обострилась проблема набора новобранцев в армию и осуществления прочих общефедеральных обязанностей регионов. Конфликт в высшем эшелоне вел к "расползанию двоевластия", к усилению противостояния между представительной и исполнительной властью в большинстве регионов Российской Федерации. Думаю, что к осени 1993 г. Россия стояла на пороге полного коллапса власти и неконтролируемого распада.

Можно по разному оценивать трагические события октября 1993 г., но справедливости ради нужно признать, что конец двоевластия положил начало восстановлению управляемости государством. И дело не только в том, что центральная власть вновь обрела возможность использовать различного рода санкции против нарушителей федеральных законов, без опасения усилить лагерь внутривластной оппозиции. Главный итог октябрьских событий и последовавших за ними выборов в Федеральное собрание состоит, на мой взгляд, в том, что они подтолкнули исполнительную власть к изменению политической тактики, к поиску согласия и компромиссов как со своими внутривластными оппонентами, так и с представителями региональной элиты.

Одним из первых практических выражений новой концепции "согласия" стали договор "О разграничении полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и Республики Татарстан". Договор резко ослабил позиции радикально националистических сил в республике, которые до недавнего времени были одними из самых влиятельных в Российской Федерации. Однако их влияние основывается почти целиком на страхе населения перед образом "имперского врага". Договор между Москвой и Казанью сильно "притушил" этот образ в сознании татарстанцев и национал-сепаратистские движения буквально рассыпались. Не случайно на состоявшихся вскоре после подписания Договора выборах в Федеральное Собрание и в местные органы власти национальные движения практически не получили поддержки населения.

Однако в свое время и М.Горбачев хотел наладить с республиками договорные отношения, начав "новоогаревский процесс", закончился он распадом СССР. Не приведет ли к аналогичным последствиям в Российской Федерации процесс, положенный договором с Татарстаном?

Действительно политические процессы в России во многом напоминают те, что происходили в СССР накануне его распада. Вместе с тем нельзя не заметить и те

особенности политического развития России, которые отличают ее от СССР и определяют собой большую вероятность сохранения территориальной целостности.

Начать с того, что против власти бывшего Союзного Центра выступали единым фронтом все без исключения республики бывшего СССР. Совершенно иная ситуация в России. Здесь края и области выражают все большее недовольство политическими привилегиями, которые имеют национальные образования. Кроме того, после распада СССР они уже успели ощутить те огромные трудности, которые возникают вследствие разрыва традиционных экономических связей, установления таможенных и политических барьеров, резкого увеличения транспортных тарифов при переезде из одного "независимого" государства в другое. Поэтому руководители краев и областей активнее других выступают за равенство всех субъектов федерации и за сохранение ее территориальной целостности. В целом опыт распада СССР оберегает от распада Россию

Разумеется, во взаимоотношениях Центра и регионов немало проблем. Например, Татарстан выплатил в 1994 г. в федеральный бюджет в пять раз меньше налогов, чем было оговорено специальным соглашением. Но есть проблемы и проблемы. Сколь бы значительной ни была проблема отладки фискальных отношений между Москвой и республиками, все же целостности страны она сегодня не угрожает.

Is the USSR's fate a threat to Russia?

Time to time in Russian mass media and in the political establishment appears a custom to make prognosis of unavoidable disintegration of Rus. Feder. It happens like this in 1991-1992 after the collapse of the USSR; then in autumn of 1993, when the federal power had been weakened by conflict between the president and parliament of Russia; it has repeated after the chechen war. However, it has probably, never was such appocaliptical expectations as after financial crisis in August 1998.

It was time when practically every region in Russia saw the introduction of price controls on the basic consumer goods and food stuffs.

Restrictions on the export of agricultural products were imposed in the most of the south regions, Moscow and St. Petersburg.

Bashkiria unilaterally reduced its federal tax transfers. Tax transfers from the Kaliningrad and Tomsk regions, Tatarstan, and Khabarovsk krai ceased altogether.

Kalmykia, in this regard, went the furthest. The parliament of this republic (the People's Khural) decreed to shift to Kalmykia's own budget the sums that had been earmarked for transfer into the Federal treasury. However, because these moneys had long ago disappeared from the Kalmykia's own treasury, this decree in effect gave leave to the Bank of Kalmykia to undertake illegal credit currency issue of 236 million rubles.

All of these acts by the regional leaders revived the subject of Russia's collapse.

But, barely a month after the regional leaders introduced their restrictive regulations, life itself showed their ineffectiveness. It turned out that the notion of the omnipotent state that some of the leaders seem to have inherited from the Soviet times does not quite work under the present conditions. The newly born Russian market turned out to be capable of showing its power and influence. At first, the heads of the northern regions, which import practically everything, found out that they were not capable of forcing commercial agents to import their goods and sell them

at “fixed” or “frozen” prices. Then, the governors of the southern regions, who had restricted export of their agricultural products, found out that their neighbors had refused to export to them their coal or oil. Even worse, restrictions on the movement of goods began to be introduced by entities smaller than republics and regions, namely, individual cities and districts. Under these circumstances, regional authorities began to speak about the necessity to preserve the uniform economic space in Russia. It was for this reason that already in the first half of September such regions as Moscow, St. Petersburg, Astrakhan, Voronezh, and Samara, lifted the price restrictions. By the end of October, this was true practically all over Russia.

While it would be wrong to say that in October, life in Russia returned to its normal, pre-August state, the Apocalypse that had been prophesied had not happened either. There were neither riots, as they were among the deceived bank account holders in Albania, nor pogroms, as in Indonesia.

The development of federation relations has demonstrated that as of October, the situation in the country resembled not so much the USSR before the putsch, as the period of 1992-93, when the regions attempted to shield themselves from the central authorities by erecting administrative barriers. But the federal government managed – already by 1994 – to overcome the regions’ attempts at an economic autarky. The goal was achieved, for the most part, by means of economic and administrative sanctions.

The experience, it appears, has been instructive, and in 1998, the reaction of the Federal government was much swifter than during the first crisis. If back in 1992, the federal authorities took two years to screw up its courage to apply sanctions, then today, barely a month passed before the federal government began to act. On September 23, the Prosecutor General of the Russian Federation, Yuri Skuratov issued an order to all of the regional prosecutors to test and challenge the legality of the regional authorities’ decrees that resulted in restricting the flow of federal tax receipts to the federal budget or limited the movement of agricultural goods in contravention of the fundamental law guaranteeing the freedom of movement of goods and services throughout the Federation. These instructions were carried out by the Prosecutor’s deputies in the regions. What is more remarkable, even before Moscow’s instructions were issued, many of the regional prosecutors challenged the regulations introduced by the local authorities. For example, the Stavropol; prosecutor challenged the decision of the krai administration on September 18, and the Voronezh prosecutor, on September 22. And it was these challenges, not the local rules, that were followed by the local militia.

The strongest measures were undertaken against the Kalmykia. On September 10, Bank of Russia liquidated the National Bank of Kalmykia and transferred its functions to the Bank Center of the neighboring Volgograd region. So, it is worth noting that Russia’s federal legal system is still capable of maintaining a uniform set of rules throughout much of the country’s territory.

It goes without saying that alone cannot maintain the territorial integrity.

Whatever role is played in maintaining the integrity of Russia by the Federal power structure, a far greater role is played by the economic “staples” such as the unified fuel, energy, and transportation systems – what the Russians call the “natural monopolies.” Another important factor is that the Federal Government has the title to property whose value exceeds the value of the regional property by several factors (this includes not only the “natural monopolies,” but also the parts of the military-industrial complex). These enterprises require for their operation resources that far exceed what is available in the region, and for that reason the regional authorities are not anxious to lay a claim to them. Moreover, the regional authorities fear

possible closings of federal-owned enterprises, because this would burden the regional authorities with an impossible responsibility to provide for millions of people. This is why even the hard-core regional separatists make every effort to retain federal allocations for the enterprises situated on their territory.

The majority of the regional leaders did not feel encouraged by the economic crisis to seek the broadening of their powers, because in actual fact they possess more than enough of such powers. Indeed, many feel overburdened by the responsibilities entailed by their powers and would like to shift, at least, part of them to the Center. For example, during the September protests mounted by the trade union organizations, many regional leaders attempted to divert the anger of the teachers and doctors, who had not been paid for months, to Moscow even though paying them is, by law, the responsibility of the regional authorities. At times, in their public statements, regional leaders readily exaggerate the actual political and economic power of the Center, as for example, when they try to entice into their regions foreign investors assuring them of the <non-existent> guarantees of the Federal government.

Be that as it may, the greatest obstacle to the disintegration of Russia is represented by the deeply held beliefs of the majority of the Russian citizens who have an extremely negative attitude, not only to the idea of secession by some territories but to the notion of a confederation. It is no accident that the regional leaders who have laid a claim to the presidency, above all Lebed and Luzhkov, are quick to demonstrate as one of their chief strengths their concern with preserving the integrity of the Russian Federation.

Summing up the analysis of such scenario, I cannot help expressing my agreement with those specialists who, in the face of mass panic, insist that “the economic basis for separatism in Russia does not exist or is negligibly minimal.”

Much more danger of disintegration under the influents of ethnic separatism. Just this factor had played a main role in disintegration of multinational empires. The example can be served and disintegration of the USSR

Some observers point out that concessions of the Chechen separatism and the transition to a contractual relationship with many republics of the Russian Federation are the same steps that led to the disintegration of the USSR.

But it is impossible not to notice those peculiarities of political development in Russia that distinguish it from the USSR and suggest as a great probability the preservation of territorial integrity.

The union broke up during the height of the ethnic movements, but by 1993 there was a general decline in ethnic movements. It proved its ineffectiveness in state management, its inability to stabilize the economy and, most important, its inability to ensure political stability in the new states. Under these conditions, the ruling elite in the republics swayed in the direction of the union and federal authority, considering that, after the end of the dual authority, it had become clear to them whom to bet on in Moscow.

The prospects of preserving the integrity of Russia, in large measure, are connected to the peculiarities of its ethnic composition. The Russian Federation, unlike the USSR as a whole, is fairly ethnically homogeneous. Ethnic Russians make up 83% of the population of the country. In more than half the country's regions (49 of them), their specific weight in the overall composition of the population varies from 83% up to 98%.

The titular nations, residing within the borders of their ethnic territories, make up less than 5% of the population of the Federation, and only they are capable of advancing claims of secession from Russia. However, the likeliest occurrence of such claims exists among only those

titular people who make up the majority of the population in the territory of their republics. Such people (less than 3% of the country's population) live in the eight republics.

From among the potential separatists, it is necessary to exclude Northern Ossetia at once, as it is the only Christian autonomy in the Muslim Northern Caucasus. This republic will not want to leave Russia under the existing circumstances. Secession from the Federation is unlikely in the republics that have two or more titular nationalities —Dagestan, Kabardino-Balkaria, Karachaevo-Cherkessia. The majority of the population and political forces here realize that even the suggestion of independence of these republics creates an explosion of internal conflicts, including separatism and the most acute opposition, between the numerous ethnic groupings of these multinational entities.

For other reasons, it is necessary to exclude Chuvashia from the list. Here, there are simply no political forces that would aspire to struggle for the independence of this republic. Even if such forces did appear in Chuvashia, the probability of this republic leaving the Russian Federation would be very insignificant. Chuvashia is one of those republics that have no independent external borders with other states and, hence, could be completely blockaded by Russia. It would be easier for those republics located in Russia's outlying areas to secede. This means that, in the worse-case scenario, Russia might only "crumble"

With the exception of the overseas territories and the cases of external military intervention, not a single ethnically homogeneous state has broken up in modern times. There is no reason to think that Russia would become the first such example."

Today's Chechnya is, de facto, independent of Russia, as neither the Constitution nor the laws of the Russian Federation are in force in its territory. The federal authority does not supervise the situation in this republic and has practically no levers of influence on the separatists' politics.

Can an "independent Chechnya" inspire other republics?

Strictly theoretically, it is possible to postulate this idea: Chechnya, separated from Russia, is somehow getting richer, and thus in some sense invites the others to follow to suit. This situation is almost unimaginable, as the prospects for simply restoring the economy in the near future, or even some kind of stabilization of life in Chechnya, are rather problematic.

Today this republic truly strains under the burden of its independence. The national consolidation did not last long with Chechen society. As soon as the fear of an external enemy, Russia, disappeared, conflicts between the various regional, clan, political and military groups immediately appeared and intensified within the republic.

The very conditions that helped the Chechen forces supporting Djokilar Dudaev and his close colleagues to achieve military success will interfere with any attempt to establish an atmosphere of peace; namely, they are the existence of military settlements and an armed population. Given the current state of destruction, these particular conditions will lead to criminal activity, including areas outside the Chechen Republic.

Even now, the level of incursions on neighboring territories is increasing. I am convinced that none of the present Chechen leaders is interested in allowing a considerable portion of the population to act capriciously. They are for keeping the militarized freebooters under control. But it is difficult to appease their own field commanders, to suppress those who only yesterday comprised the elite and the nucleus of the armed forces. Dudaev could not do it, and there is no guarantee that his successors will be able to handle such demilitarization and disarmament. At the same time, the presence of these freebooters creates insurmountable obstacles to any reorganization plans of the Chechen Republic and engenders serious dangers for its neighbors,

especially the for the various peoples of Dagestan.

Under these conditions, when anti-Chechen sentiments grow in the neighboring republics, the probability that Dagestan or any other republic of the Northern Caucasus will voluntarily join Chechnya.

The analysis discussed here was designed to show that in Russia, beginning in 1991, did not lessen and that the relative importance of problems in the sphere of interethnic relations was varies with time. If the danger of the disintegration of Russia under pressure from the separatist-oriented nationalist movements in the republics of the Russian Federation was quite real between 1991 and 1993, then today the greatest danger to this society is not so much the threat of the development of local ethnic separatism as it is the growth of mass xenophobia as a environment for the development of national-populist policy Russian nationalism and "great-power" chauvinism.